

УПОМИНАНИЯ ТИТУЛА РУССКОГО МИТРОПОЛИТА И ГОСУДАРЯ
В НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ XVI в.
(на материале выходных записей на книгах)¹

Знакомясь с текстами выходных записей рукописных книг XVI в., мы обратили внимание на один любопытный казус. В нескольких записях писцы, упоминая русского митрополита, именуют его «киевским и всея Руси» (в выходных записях часто упоминаются правящий государь и митрополит). Общеизвестно, что в XVI в. он этот титул уже не носил².

Как показал А. И. Плигузов, специально рассмотревший титулатуру русских митрополитов, титул «киевский и всея Руси» применительно к проживающим в Москве первосвященникам фиксируется в официальных документах с конца XIV в. до 1458 г.³ Начиная с середины XV в. определение «киевский» начинает постепенно уходить из источников. Так, в формулярном изводе послания Ионы в Новгород (1448–1458 г.) фигурирует «имярек митрополит всея Руси» [Абеленцева, с. 323]⁴. Для документов 1458–1461 г. характерны случаи нерегулярного чередования краткого («всея Руси») и полного («киевский и всея Руси») титула. По мнению А. И. Плигузова, окончательно «вопрос о сокращении титула Ионы был решен у постели смертельно больного владыки в конце марта 1461 г.» ([Плигузов, с. 1036]; см. также: [Pliguzov, p. 352])⁵. В любом случае, его преемники этот титул официально уже не использовали. В документах митрополичьей кафедры, в памятниках летописания, в посольской документации и других источниках⁶ всероссийский владыка фигурирует либо как митрополит «московский и всея Руси», либо как митрополит «всея Руси»⁷.

С чем может быть связано поименование русских митрополитов «киевскими» в выходных записях книг, переписанных спустя несколько десятилетий после утраты ими соответствующего титула? Неизбежно встает и другой вопрос: были ли подобные казусы характерны лишь для упоминания главы Церкви, или с чем-то подобным историк имеет дело и применительно к носителям высшей светской власти? Данные вопросы ставят проблему изучения возможных причин несоответствия официального титула его упоминаниям в неофициальных источниках. Свой вариант ее решения мы и представим ниже. Но прежде обратимся к записям тех рукописей, где находящийся в Москве митрополит именуется «киевским и всея Руси».

Титул митрополита

Самая ранняя известная нам подобная рукопись — библейские книги — была переписана в 1503 г. Как сообщает выходная запись, «быша сия книги в преименитом и великом Новѣградѣ при державе благовѣрнаго и благочестиваго великаго князя Ивана Васильевича володимерьскаго и новгородскаго и всея Руси самодержьца и при сыну его великом князи Василии Ивановиче

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 15-01-00089а).

² Подробнее о титуле русских митрополитов в период Средневековья см.: [Щапов, 1972, с. 217–219; Кучкин, 1974, с. 81–82; Кучкин, 1998, с. 19–22; Плигузов; Pliguzov (расширенный вариант статьи 1992 г.); Успенский, с. 462–467; Филюшкин, 2006, с. 162–163; Страхова; Назаренко, с. 249–268; Клосс, 2012, с. 25–31, 38; Антонов, с. 37–44].

³ В этот период в связи со сложной церковной ситуацией (наличие двух митрополитов: время Киприана, Пимена и др.) титул мог звучать короче («киевский и Великая Русь», «всея Русь» и др.). Об этом см., например: [Щапов, 1972, с. 217; Кучкин, 1974, с. 81–82; Плигузов, с. 1038–1041; Pliguzov, p. 345–347].

⁴ См. также формулярный извод грамоты митрополита (Ионы) архимандриту и братии [Абеленцева, с. 333].

⁵ Обзор основных событий, связанных с окончательным разделением русской митрополии в середине XV в., см.: [Флоря, с. 407–422; Абеленцева, с. 234–273; Сеницына, с. 61–65].

⁶ К числу подобных источников также можно отнести духовные грамоты московских князей. Как показал С. М. Каштанов, если эпитет «киевский» присутствует в титуле русских митрополитов в духовной грамоте Василия I († 1425) и в завещании Софьи Витовтовны († 1453), то в духовных грамотах Василия II († 1462) и Ивана III († 1505) он уже опускается и митрополит титулуется «всея Руси» [Каштанов, с. 240].

⁷ Пользуясь случаем, выражаем благодарность Е. В. Беляковой за консультацию по вопросу о специфике поименований русских митрополитов в официальных источниках XV–XVI в.

всёя Руси, и при пресвященном архиепископѣ Симонѣ, **митрополите киевском и всея Руси** (здесь и далее выделено нами. — А. У.), а замышлением Тимофея Родионова сына поповича сердечнаго его ради еже о сеи книзѣ желанія и любви»⁸.

Исходя из текста записи, можно полагать, что рукопись переписывалась непосредственно в Новгороде по заказу («замышлению») лица, принадлежность которого к верхушке общества более чем сомнительна. В то же время писца (и, вероятно, заказчика) трудно заподозрить в низкой степени информированности о происходящем. В записи фиксируется факт соправительства Ивана III и Василия III, установившегося незадолго до переписки книги в последние годы правления тяжелобольного Ивана III (об этом см., например: [Назаров]). Упоминание «архиепископа» как части титула русского митрополита следует рассматривать как дань идущей ещё с домонгольского времени традиции уподобления русских первосвятителей константинопольскому патриарху (последний, как известно, именовался «архиепископом») (об этом см., например: [Успенский, с. 462–467]).

Вторая рукопись — Пролог 1530/1531 г. Его выходная запись сообщает о том, что в этом году «при благовѣрном князѣ Василье Ивановиче всея Руси и при его сыне князе Иване Василичеве, и при архиепископе нашем Даниле, **митрополитѣ киевском всея Руси**, написана бысть сия книга нарицаемыи Пролог повелением Ивана Ондрѣевича Замыцкого в храм Вознесенья Бога нашего Иисуса Христа рукою многогрѣшнаго раба Божия Ивашка Вахромѣева сына Малыгина»⁹.

В качестве заказчика рукописи выступил представитель одного из целого ряда старомосковских боярских родов, возводящих свою генеалогию к Ратше¹⁰. В первой половине XVI в. значимой роли в политической жизни России представители этого рода не играли (подробнее о Замыцких в XVI в. см.: [Веселовский, 1969, с. 99–101; Зимин, 1988, с. 164, 167]). Один из Замыцких — постриженник Иосифо-Волоколамского монастыря Герасим (в миру — Григорий Петрович), бывший в 1520–1526 г. настоятелем московского Симонова монастыря, — в этот период являлся заметной фигурой в церковной иерархии (о нем см.: [Кузьмин, Синицына, с. 157–158]). Таким образом, заказчик книги так или иначе был связан с церковно-политической элитой Русского государства, но занимал в ней далеко не самое видное место.

Как следует из текста записи, в роли писца рукописи¹¹ выступил либо человек И. А. Замыцкого, либо нанятое им лицо¹². Книга переписывалась для Вознесенской церкви.

⁸ ГИМ. Собр. Е. В. Барсова. № 4. Л. 264 об. — 265.

⁹ ГИМ. Музейское собр. № 461. Л. 429 об.

¹⁰ Пользуясь случаем, выражаем признательность А. В. Кузьмину за консультацию по истории этого рода.

¹¹ В XVI в. нам известны лишь Малыгины — представители рода ярославских служилых землевладельцев третьей четверти XVI в. О них см.: [Веселовский, 1963, с. 171]; Писцовые материалы Ярославского уезда. Вотчинные земли. СПб., 1999. С. 25–31; Писцовые материалы Ярославского уезда. Поместные земли. СПб., 2000. С. 57, 148, 208, 237–238. Однако, имел ли какое-либо отношение к ним писец Пролога 1530/1531 г., неизвестно. Во всяком случае, рукописи, переписанные служилыми людьми в России XVI в., за редким исключением неизвестны (об этом см.: [Усачев, 2016]).

¹² Косвенным аргументом в пользу этого предположения является то, что писец в записи не оговаривает какую-либо свою связь с Замыцкими, как это делали прочие писцы, выполнявшие поручения своих «господ». Например, один из писцов Евангелия 1519 г., которое переписывалось по заказу И. Г. Годунова (деда Б. Ф. Годунова), отмечает, что рукопись была переписана «строением и попечением, и повелением **господина моего**» И. Г. Годунова (см.: РГБ. Ф. 98 (Собр. Е. Е. Егорова). № 1740. Л. 410 об.; см. также: [Рыков, 1977, с. 145–146]). В записи Октоиха 1548 г., переписанного по поручению жены А. М. Кутузова Авдотьи, писец — Федор — указывает на то, что рукопись была переписана «замыслом» «его» «государыни» (см.: РГБ. Ф. 304.1 (Главное собр. библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 371. Л. 316 об.). Сборник 1519–1520 г. переписывался по заказу боярина М. В. Тучкова «паробком **государя своего** Михаила Васильевича» Насоном (см.: БАН. Ф. 31 (Основное собр.). 17.4.10. Л. 317 об.). «Паробком» В. М. Тучкова (сына М. В. Тучкова) Богданцем Якимовым сыном был переписан сборник Бесед Иоанна Златоуста 1544/1545 г. (см.: ГИМ. Собр. Воскресенского монастыря. № 82 бум. Л. 505–505 об.). В 1567 г. «повелѣнием **господина** князя Ивана Дмитриевича Булгакова» Путилка Иванов сын Москвитин переписал Кормчую (см.: РГБ. Ф. 98 (Собр. Е. Е. Егорова). № 931. Л. 520). Отметим, что в выходной записи Евангелия 1516 г., также переписанного по поручению одного из Замыцких (Еупла Степановича), писец (Федор Аггеев сын Патома) прямо пишет о том, что он является «рабом» заказчика (см.: ГПНТБ СО РАН. Собр. М. Н. Тихомирова. № 40. Л. 312).

Последняя, вероятно, находилась на территории владений Замыцких¹³. Случаи переписки книг по заказу представителей знати для «своих» церквей и монастырей, а также факты вклада книг в соответствующие церкви и монастыри известны: их обеспечение всем необходимым (в том числе и книгами) было важнейшей заботой ктиторов, которые фактически являлись их собственниками¹⁴. К числу подобных примеров можно отнести переписку служебных миней на сентябрь, октябрь и ноябрь в 1557/1558 г. по заказу М. И. Воротынского для Анастасина монастыря, находящегося на территории удела князей Воротынских¹⁵. Известен крупный вклад книгами (15 рукописных и 2 печатные) в также находящийся на территории удела Воротынских Шаровкин монастырь брата Михаила — Александра Воротынского [Усачев, 2012а; Усачев, 2014а]. В 1554 г. потомок суздальских князей П. А. Горбатый вложил Евангелие 1553 г. в построенную им церковь митрополита Петра («...иже и церковь ту создал») ¹⁶. В архангельской церкви села Семеновского в ярославских владениях князей Сицких бытовала сентябрьская минея 1561 г., переписанная по заказу И. Ю. Сицкого¹⁷. Вероятно, в этом ряду стоит рассматривать и данную рукопись. Для нас важно зафиксировать факт того, что Пролог 1530/1531 г. был переписан по поручению представителя далеко не самого знатного и влиятельного рода и предназначался церкви, расположенной, судя по всему, в его владениях.

Третья рукопись — Торжественник 1551/1552 г. — была переписана «при благовѣрном и христоробивѣмъ цари великомъ князи Иванѣ Васильевичѣ московскомъ и всея Руси и при христоробивѣмъ митрополитѣ Макарии киевскомъ и московскомъ и всея Руси и при ростовскомъ архиепископѣ Никандрѣ». Далее запись сообщает, что книга «положена бысть в храм Успения Пречистыя Владычица наша Богородица приснодевы Мариа повелѣниемъ рабъ Божиихъ Пятово да Василя Василювыхъ дѣтей Стенина, а писал сию книгу рабъ Божии многгрѣшныи Иван Мефедев сын»¹⁸. Обращает на себя внимание двойной титул митрополита — «киевский и московский и всея Руси». Как нетрудно заметить, он представляет собой результат механического сочетания старого («киевский») и нового («московский») титулов. Такое сочетание можно рассматривать как некую переходную форму от старого титула к новому.

Что-либо конкретное о месте переписки рукописи и ее вероятных заказчиках (скорее всего, вкладчики и выступили заказчиками) сказать трудно. Судя по упоминанию ростовского владыки Никандра (1549—1566 г.), можно лишь полагать, что она переписывалась на территории достаточно обширной Ростовской епархии (о ее пределах см.: [Покровский, с. 103—113]). Несмотря на то что социальный статус заказчиков и писца точно неизвестны, очевидно, что они не принадлежали к верхушке общества.

Материал трех рассмотренных рукописей позволяет зафиксировать следующее:

1. Хронологический диапазон данных записей охватывает всю первую половину XVI в.: с 1503 по 1551/1552 г.

2. Судя по числу записей, практика поименования русского митрополита «киевским» в XVI в. была не слишком широко распространена. Так, если русского митрополита «киевским» именуют лишь 3 приведенные выше записи, то «митрополитом», «митрополитом всея Руси» и «митрополитом московским и всея Руси», «архиепископом» (в подражание константинопольскому патриарху) его именуют не менее 79 известных нам выходных записей 1502/1503—1551/1552 г. Как видим, речь идет о 3,8 % от общего числа упоминаний митрополитов в выходных записях известных нам датированных книг XVI в.

¹³ Учитывая то, что Замыцкие располагали владениями в различных уездах (например, у ближайших родственников Герасима (Замыцкого) были владения в Бежецком Верху, см.: [Кузьмин, Синицына, с. 157]), сказать, где именно была переписана данная рукопись, вряд ли возможно.

¹⁴ Подробнее о данной категории церквей см.: [Стефанович, с. 42—76].

¹⁵ ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 464. 4°. Л. 314; РГБ. Ф. 256 (Собр. Н. П. Румянцев). № 276. Л. 300 об.

¹⁶ РГБ. Ф. 256 (Собр. Н. П. Румянцев). № 135. Л. 380.

¹⁷ РГБ. Ф. 310 (Собр. В. М. Ундольского). № 87. Л. 456.

¹⁸ БАН. Ф. 31 (Основное собр.). 21.3.5. Л. 350 об.—351.

3. Рукописи происходят из разных регионов: одна из Новгорода (книги библейские 1503 г.), вторая — с территории Ростовской епархии (Торжественник 1551/1552 г.), место переписки третьей (Пролог 1530/1531 г.) нам установить не удалось. Есть веские основания утверждать, что они (и, соответственно, их выходные записи) не были никак между собой связаны: речь идет о не совпадающих по репертуару книгах, переписанных в разные периоды в разных регионах страны по поручению различных лиц разными писцами. Текстуальные параллели в их выходных записях не фиксируются.

4. В роли заказчиков рукописей выступили представители различных социальных слоев: сын священника (книги библейские 1503 г.), представитель служилого рода, находящегося на вторых ролях в служебной иерархии (Пролог 1530/1531 г.); статус заказчиков Торжественника 1551/1552 г. не ясен, так же как не ясен и статус писцов.

5. Хронологически наиболее поздняя запись Торжественника 1551/1552 г. фиксирует слияние двух титулов («киевский» и «московский»).

Сказанное выше побуждает думать, что в случае с упоминанием русского митрополита как «киевского» речь идет об определенной практике первой половины — середины XVI в., которая, однако, не была широко распространена. Поименование русского митрополита «киевским» (по крайней мере, в данных записях) вряд ли стоит связывать с какими-либо гипотетическими претензиями русских церковных властей в отношении южнорусских земель: в отличие от светских властей, неоднократно предъявлявших требования на «отчины» киевских князей (об этом см., например: [Pelenski; Хорошкевич; Ерусалимский]), насколько известно, руководители Русской церкви в XVI в. таких требований официально не выдвигали¹⁹. Тогда с чем может быть связано использование эпитета «киевский» по отношению к русскому митрополиту в рассмотренных записях? Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют высказать две гипотезы на этот счет.

Воспроизведение устаревшего формуляра²

С точки зрения формальной логики наиболее логичным объяснением выглядит предположение об использовании готового образца, который писец воспроизвел, не согласовывая его с современными ему реалиями²⁰. Рассматривая эту возможность, необходимо отметить, что содержание (а иногда и фрагменты текстов) выходных записей книг, которые переписывались примерно в одно время по поручению одних лиц и в одном месте, могли совпадать. Вряд ли подобные совпадения стоит считать случайностью.

Очевидно, что писцы могли использовать готовые образцы выходных записей. Так, их тексты могли заимствоваться из записей переписанных ранее книг. Нельзя исключить и возможность существования неких формуляров выходных записей, которые могли включать в себя как «историческую» часть записи (описание обстоятельств создания той или иной книги), так и «литературную» (как правило, речь шла о стандартных просьбах писцов не клясть их за допущенные при переписке ошибки). Ранее нами был рассмотрен ряд подобных случаев, которые в той или иной степени подтверждают гипотезу о возможности существования формуляров выходных записей (подробнее об этом см.: [Усачев, 2015а; Усачев (в печати)]). Среди подобных случаев можно отметить: минеи, переписанные в Александровой слободе по поручению Ивана IV на рубеже 60–70-х годов XVI в. (о них подробнее см.: [Клосс, 1980, с. 241–243; Рыков, 2007, с. 136–140]), рукописи, скопированные в конце XVI в. по поручению вологодского архиепископа Ионы (Думина), а также Годуновские псалтири 1590/1591–1600 г. и Чудовские минеи 1599/1600 г. Выходные записи книг из этих «комплектов» практически

¹⁹ Пользуясь случаем, выражаем благодарность Б. Н. Флоре за консультацию по данному вопросу.

²⁰ Вариант с получившими воспитание не позднее середины XV в. писцами-долгожителями нами не рассматривается. Так, если можно допустить, что рукопись 1503 г. переписывал писец, еще заставший время, когда проживавший в Москве митрополит официально именовался «киевским и всея Руси», то в случае с рукописями 1530/1531 и 1551/1552 г. такой вариант практически исключен. Очевидно, что за это время должно было смениться 2–3 поколения. Некоторые данные о продолжительности жизни в России этого времени см.: [Усачев, 2014б].

полностью или в значительной степени совпадают²¹. В той или иной мере близки по содержанию и тексту также выходные записи ряда книг, которые переписывались примерно в одно время в Иосифо-Волоколамском²², Кирилло-Белозерском²³ и Ферапонтовом²⁴ монастырях.

Рассматривая эти случаи, обратим внимание на исключительно важный момент. Происхождение всех этих книг связано с крупными книгописными центрами. Слободские минеи переписывались в царской резиденции. В ней, судя по всему, трудились книжники из столицы (часть из них, согласно нашему предположению, могла иметь отношение к Чудову монастырю [Усачев, 2012б, с. 259–264]). С деятельностью этих книжников, располагавших значительным числом источников, вероятно, было связано создание более или менее значительных разделов знаменитого Лицевого летописного свода²⁵. Комплект минеи 1599/1600 г. переписывался в крупнейшем книгописном центре столицы — московском Чудовом монастыре. Вероятно, с этой же обителью было связано и создание Годуновских псалтирей [Новикова, Сиринов, с. 444–450; Усачев, 2015а; Усачев (в печати)]. Точное место переписки всех книг для Ионы (Думина) неизвестно. Однако есть сведения о том, что заказы Ионы выполняли троицкие писцы²⁶. По крайней мере, одна книга (сборник слов Иоанна Златоуста 1592/1593 г.) для него переписывалась в Москве (более точно место переписки определить не удастся)²⁷. С известной долей гипотетичности можно допустить и возможность переписки каких-то книг для Ионы в крупных монастырях Вологодской епархии или непосредственно при вологодской владычной кафедре²⁸. Конечно, нельзя полностью исключать возможность использования формуляров выходных записей и за пределами крупных книгописных центров²⁹. Однако, принимая во внимание имеющийся материал, такую вероятность стоит оценить существенно ниже.

В связь с вышесказанным поставим происхождение рассмотренных книг, в записях которых упоминается устаревший к XVI в. титул русского митрополита. Как уже было показано выше, происхождение этих рукописей, судя по всему, не было связано с крупными книгописными центрами. Соответственно, гипотеза о возможности использования в них ранних формуляров записей выглядит не слишком убедительно.

Сказанное выше побуждает думать, что использование устаревшего формуляра при воспроизведении титула в принципе возможно³⁰. Однако вряд ли только этим можно объяснить

²¹ Исключение составляет самая ранняя Псалтирь — 1590/1591 г. Она выделяется не только текстом выходной записи, но и манерой работы украшавших ее миниатюристов. Об этом см., например: [Квливидзе; Усачев (в печати)].

²² См., например, записи книг (Евангелие 1513/1514 г. и Слова постнические Исаака Сирина 1512/1513 г.), переписанных по поручению Нила (Полева): РГБ. Ф. 113 (Собр. Иосифо-Волоколамского монастыря). № 39; ГИМ. Епархиальное собр. № 320.

²³ См., например, выходные записи книг, переписанных Гурием (Тушиным): Сборник житий 1508/1509 г., Сборник агиографический 1508/1509 г., Богородичник 1510 г. и Евангелие 1510/1511 г. (РНБ. Ф. 351 (Собр. Кирилло-Белозерского монастыря). № 23/1262, 141/1218, 790/1047, 31/36).

²⁴ Ср. записи писца Амфилохия Минеи служебных на сентябрь 1539/1540 г. и на ноябрь 1540/1541 г. (РНБ. Ф. 550 (Основное собр. рукописной книги). Q.I.136; Ф. 777 (Собр. П. Н. Тиханова). Оп. 3. № 353).

²⁵ О слободском происхождении Лицевого свода см.: [Клосс, 1980, с. 232–252].

²⁶ На это указывает запись 1592 г. на рукописи, содержащей Толкование Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея (краткие сведения о рукописи см.: Выступление Т. В. Николаевой // Тихомировские чтения 1970 года: мат. науч. конф., посвященной опыту организации археографических экспедиций в РСФСР. М., 1970. С. 109).

²⁷ ГПНТБ СО РАН. Собр. М. Н. Тихомирова. № 4. Л. 478.

²⁸ Косвенно на это указывает состав источников книг, которые переписывались по поручению Ионы (Думина). Так, как повествует выходная записи одной из них, книга «писана с прилуцкого переводу, а правлена с Каменского монастыря и с Павловского переводов, а прилуцкой перевод тут же в свидетельствъ был» (см.: РГБ. Ф. 292 (Собр. С. П. Строева). № 59. Л. 495 об.; см. также: РГБ. Ф. 292 (Собр. С. П. Строева). № 34. Л. 334 об.). Как видим, к работе, которая выполнялась по заказу Ионы, привлекались источники, хранящиеся в библиотеках подвластной ему епархии (в Спасо-Каменном, Спасо-Прилуцком и, по-видимому, Павло-Обнорском монастырях).

²⁹ Гипотетически можно предполагать, что антиграфами некоторых рукописей, происхождение которых не было напрямую связано с крупными скрипториями, послужили книги, которые переписывались в крупных книжных центрах.

³⁰ Так, в июле 1516/1517 г. константинопольский патриарх адресует грамоту Варлааму — митрополиту «киевскому и всея Руси» (см.: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841. № 121. С. 175). Вероятно, этот казус можно связывать с использованием старых формуляров посланий русским владыкам. Речь здесь, однако, идет об источнике официального характера.

все 3 непосредственно не связанные друг с другом случая отклонения от воспроизведения актуального для XVI в. титула русского митрополита. Это, в свою очередь, побуждает думать, что рассматриваемый казус мог быть обусловлен и другими обстоятельствами. Выявляя их, обратим внимание на типологически сходные³¹, но более многочисленные примеры: употребление титула русского государя в аналогичных источниках — в выходных записях книг XVI в.³²

Титул русского государя

С одной стороны, царем русский государь в неофициальных источниках именовался и до 1547 г.³³ С другой — мы имеем ряд случаев, которые свидетельствуют о том, что новый титул повсеместно в обиход вошел далеко не сразу после венчания Ивана IV на царство 16 января 1547 г. Так, запись на антиминсе от 17 июня 1547 г. (то есть выполненная через полгода после венчания на царство) именует правящего государя «**великим князем** всея Руси» (цит. по: [Георгиевский, с. 9]). Запись на антиминсе 1561/1562 г. фиксирует переходное состояние в именовании Ивана IV и членов его семьи: в тексте источника упомянут «**благочестивый и великий князь** Иван Васильевич всея Руси» (без царского титула), а вот его супруга Мария Темрюковна фигурирует как «**царица** великая княгиня», сыновья Иван и Федор именуются «**царевичами**» (цит. по: [Георгиевский, с. 9]).

Переходный период в употреблении титула русского государя фиксирует и такой массовый источник, как акты. Исследователи уже обращали внимание на то, что в них в XVI в. фиксируется «запаздывание» при написании титула Ивана IV. Так, как показал А. И. Копанев, еще летом 1549 г. в ряде двинских грамот не употреблялся царский титул или он употреблялся непоследовательно. Как полагал историк, «такие колебания в написании правильного титула царя в актах наблюдаются на протяжении 50-х годов, и лишь с 60-х годов царский титул употребляется постоянно». На основании этого исследователь сделал любопытное предположение относительно того, что «контроля за совершением поземельных сделок со стороны правительства не существовало», поскольку «известно, что небрежность в отношении титула главы государства рассматривалась как преступление» [Копанев, с. 149–150, примеч. 6].

В контексте изучения упоминания титула русского митрополита и государя в записях на книгах нас особенно интересует следующий вопрос: имел ли место более или менее длительный переходный период в поименовании великого князя царем в выходных записях и если имел, то насколько длительным он мог быть?

Приступая к поискам ответа на этот вопрос, прежде всего, зафиксируем очевидный факт: по чисто техническим причинам информация о принятии царского титула Иваном IV по стране моментально распространиться не могла. Так, вряд ли стоит удивляться тому, что, заканчивая переписку Пролога 18 января 1547 г. (то есть через 2 дня после венчания Ивана IV на царство), работавший в пределах Тверской епархии писец именует русского государя «**великим князем**»³⁴.

Однако точно известно, что весть о венчании Ивана IV на царство не позднее лета дошла до относительно отдаленных от Москвы регионов. Царем именуется Иван IV в выходной записи переписанного в Тотье Евангелия (окончено 11 августа 1547 г.)³⁵. Писцу, который 14 августа 1547 г. закончил переписку в пределах Новгородской епархии сборника сочинений Иоанна Дамаскина, также известно о новом титуле государя. Более того, он счел нужным специально

³¹ Типологическое сходство, конечно, не исключает и определенных различий в рассматриваемых случаях употребления титула русских государей и митрополитов. Так, если эпитет «киевский» вышел из состава титула митрополита (нами анализируются исключения из этого правила), то «царь», напротив, дополнил традиционный титул («великий князь»). Соответственно, во второй случае исключениями являются уже факты пропуска «царя» в составе титула (они и исследуются ниже).

³² Случаи упоминания титула русского государя в официальных источниках, а также в литературных памятниках нами здесь не рассматриваются. О них подробнее см.: [Дьяконов; Вальденберг; Савва; Водов, 2002а; Водов, 2002б; Цапов, 1999; Горский, 1995; Горский, 1999; Филюшкин, 2000]. Краткий историографический обзор см.: [Филюшкин, 2006, с. 82–86].

³³ Итоги анализа соответствующего материала выходных записей см.: [Усачев, 2015б].

³⁴ ГИМ. Собр. П. И. Щукина. № 100. Л. 409–409 об.

³⁵ РГБ. Ф. 299 (Собр. Н. С. Тихонравова). № 415. Л. 246.

пояснить читателю, что «в Руской земли сей первый царь поставлен бысть после крещения Господа нашего Иисуса Христа и браку причтася»³⁶.

Однако есть веские основания полагать, что, так же как и в случае с писцами актов, в обиход писцов рукописных книг (иногда речь шла об одних и тех же лицах³⁷) новый титул вошел не сразу. Так, запись Псалтири 1548/1549 г., переписанной «повелением» князя Даниила Васильевича Ушатого, упоминает «благородного **великого князя** Иоанна Васильевича всея Руси»³⁸. Возможно, речь шла о территории бывшего Ярославского княжества: известно, что потомки ярославских князей Ушатые там имели значительные земельные владения³⁹. Будучи сыном боярина В. В. Ушатого (Чулкова), Д. В. Ушатый в 1550 г. был зачислен в тысячники, однако по служебной лестнице высоко не поднялся. Судя по синодику опальных, Д. В. Ушатый вместе с некоторыми своими родственниками погиб в годы опричнины [Веселовский, 1963, с. 154, 462]⁴⁰.

С любопытным казусом мы сталкиваемся в Уставе церковном 1549/1550 г. В его выходной записи первоначально читалось «благочестивый **великий князь** Иван Васильевич всея Руси». Несколько позднее иным почерком над строкой между словами «благочестивый» и «великий» было вставлено «царь»⁴¹.

Даже учитывая немалую удаленность Каргополя от столицы, трудно представить, чтобы за 4 года до него не докатилась весть о венчании Ивана IV на царство: в выходной записи переписанного в этом городе Пролога 1551 г. его царский титул опущен⁴². В выходной записи, скопированной в Езжинской волости, находящейся в северо-западной части Ржевского уезда⁴³, в 1557 г. Триоди цветной первоначально читалось «при благоверном христоролюбивом **великом князе** Иване Васильевиче всея Руси». Позднее иным почерком и чернилами другого цвета над строкой между «христоролюбивом» и «великом» было вписано «царе»⁴⁴. Запись Октоиха 1558/1559 г. указывает на его переписку «при благочестивом и **великом князе** Иване Васильевиче всея Руси»⁴⁵. Запись Пролога 1562/1563 г. также именует Ивана IV «**великим князем**... всея Руси»⁴⁶.

«Великим князем» Иван IV именуется и спустя два десятилетия после венчания на царство. Этот титул фиксируется в выходной записи Триоди цветной 1567 г., переписанной неким Немиркой «устроением государя своего Бориса Тимофеевича»⁴⁷. Аналогичный титул Ивана IV фиксируется и в Октоихе 1567/1568 г., который переписывался «повелением... священноиерея

³⁶ РГБ. Ф. 310 (Собр. В. М. Ундольского). № 200. Л. 215.

³⁷ Так, Евангелие 1533 г. переписывал «диака святого Дмитрея и святое Христовы мученици Екатерины Давыдець Михаило[в] сынишко» (см.: БАН. Ф. 1 (Архангельское собр.). С. 6. Л. 163). Как показала Э. С. Смирнова, его имя в качестве писца фигурирует в актах, которые переписывались на той же территории в близкий период (в 1526/1527, 1528/1529, 1532, 1540, 1540/1541 и 1541 г.). См.: Сборник грамот коллегии экономии. Т. 1: Грамоты Двинского уезда. Пг., 1922. Стб. 50, 57, 63, 89, 93, 96; [Смирнова, с. 44]. Развивая наблюдения Э. С. Смирновой, специальную работу данному писцу посвятила М. В. Корогодина [Корогодина].

³⁸ Вологодский областной краеведческий музей. № 2130. Л. 249 об.—250. Цит. по: Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Вологда, 1987. Ч. 1. Вып. 2: Рукописные книги XIV—XVIII вв. Вологодского областного музея. С. 75—76.

³⁹ Так, согласно подсчетам А. В. Сергеева, в середине XVI в. две трети потомков ярославских князей (в том числе почти все лица, записанные в Дворовую тетрадь, — Ушатые и др.) сохраняли свои ярославские владения (см.: [Сергеев, 2014а, с. 22, 27; Сергеев, 2014б, с. 48]). А. М. Курбский в своей «Истории» специально упоминает о значительных земельных владениях (об «отчинах великих») своих родичей — князей Ушатых — и даже высказывает мнение о том, что они были казнены Иваном IV из корыстных побуждений [Курбский, с. 144]. Д. В. Ушатый получил поместье под Москвой, но это произошло уже после переписки Псалтири — в 1550 г. [Веселовский, 1963, с. 154]. Известны владения Ушатых и в Бежецкой пятине Новгородской земли [Сергеев, 2014б, с. 44—45].

⁴⁰ О Д. В. Ушатом см. также: [Зимин, 2001, с. 92, 94; Курбский, с. 709—710 (комментарий Ю. Д. Рыкова)].

⁴¹ ГИМ. Собр. П. И. Щукина. № 530. Л. 61 об.

⁴² РНБ. Ф. 588 (Собр. М. П. Погодина). № 617. Л. 301—301 об.

⁴³ Подробнее о географии этой волости см.: Писцовая приправочная книга 1588—1589 годов уезда Ржевы Володимеровой (половина князя Дмитрия Ивановича) / Подг. А. А. Фролов. М.; СПб., 2014. С. 196—211.

⁴⁴ РНБ. Ф. 550 (Основное собр. рукописной книги). F.1.138. Л. 441.

⁴⁵ ГИМ. Собр. Н. П. Вострякова. № 827. Л. 352.

⁴⁶ ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 823. 1°. Л. 244.

⁴⁷ РГБ. Ф. 205 (Собр. Общества истории и древностей российских). № 328. Л. 421.

Григория Богородицъкого... рукою многогрѣшнаго и непотребнаго дячка Суботъкы»⁴⁸. Сходная ситуация в записи Устава церковного 1568/1569 г., переписанного на территории Ростовской епархии: в ней Иван IV также именуется «великим князем»⁴⁹. То же самое можно сказать и о записи на переписанной ростовцем Трифоном рукописи 1569/1570 г., содержащей Паренесис Ефрема Сирина (рукопись переписывалась по поручению архимандрита Агапия в монастыре, который точно идентифицировать пока не удастся)⁵⁰. Любопытно отметить, что тот же писец, переписывая Торжественник 1568 г. в том же месте по заказу того же лица, царский титул Ивана IV указал⁵¹. На наш взгляд, подобная непоследовательность в написании титула характерна для ситуации, при которой написание титула еще до конца не устоялось.

Согласно записи на рукописи 1584 г., содержащей сочинения Афанасия Александрийского и Псалтирь, она переписывалась «в царство благовѣрнаго и великого князя Федора Иванавича (так в рукописи. — А. У.)». Над строкой, очевидно, позднее между «благовѣрнаго» и «великого» было написано «царя» (после «Иванавича» также над строкой дописано «всая Руси»). В роли писца выступил «многогрѣшный и недостойный раб Олеша Никанов сын»⁵². Любопытно, что в первоначальном тексте записи фигурирует русское «царство», но его глава «царем» не называется. Эта запись может быть сопоставлена с записью Торжественника 1551/1552 г., в тексте которой фигурирует двойной титул русского митрополита: старый («киевский») и новый («московский»).

С самым поздним выявленным нами случаем упоминания московского государя с великокняжеским титулом (без царского) в выходных записях мы сталкиваемся в записи Трефолая 1597 г. Он переписывался в Кирилло-Белозерском монастыре «при благовѣрном и великом князе Феодоре Ивановиче всея России» «благословением государя игумена Корнилия Кирилова монастыря, тцанием и повелѣнием государя старца Леонида рукою многогрѣшнаго дячка Семейки Лукоянова сына пореклом Белозерца»⁵³. Любопытно отметить, что в иных рукописях, написанных в Кириллове в близкий период, другие писцы русского государя царем именуют⁵⁴. Вероятно, так же как и в случае со списком Паренесиса Ефрема Сирина 1569/1570 г., этот казус может быть связан с еще не до конца устоявшимся написанием титула русского государя. Это могло быть обусловлено такой особенностью кирилловских рукописей XVI в., как сравнительно редкое упоминание правящего государя в выходных записях (как правило, кирилловские писцы ограничивались указанием имени настоятеля обители)⁵⁵.

⁴⁸ РГБ. Ф. 256 (Собр. Н. П. Румянцев). № 289. Л. 317 об.

⁴⁹ ГИМ. Музейское собр. № 205. Л. 6.

⁵⁰ БАН. Ф. 27 (Собр. И. И. Срезневского). 24.4.30. Л. 410. О возможном месте переписки см. ниже.

⁵¹ ГИМ. Музейское собр. № 3464. Л. 645 об.—646. В выходной записи отмечено, что Трифон переписывал рукопись по заказу архимандрита Агапия (аналогичную запись содержит и список Паренесиса Ефрема Сирина 1569/1570 г.). Согласно предположению Л. М. Костюхиной, речь идет о серпуховском Высоцком монастыре: справочник П. М. Строева указывает лишь один монастырь, в котором в близкий период (под 1571 г.) упоминается архимандрит с таким именем (см.: [Строев, стб. 200; Костюхина, с. 56, табл. 2]).

⁵² РНБ. Ф. 550 (Основное собр. рукописной книги). Q.I.39. Л. 446.

⁵³ РНБ. Ф. 351 (Собр. Кирилло-Белозерского монастыря). № 448/705. Л. 495—495 об.

⁵⁴ РНБ. Ф. 351 (Собр. Кирилло-Белозерского монастыря). № 1/1078. Л. 646 (Кормчая 1589/1590 г.); Ф. 728 (Софийское собр.). № 1355. Л. 661—661 об. (Сборник 1596/1597 г.); Ф. 728 (Софийское собр.). № 1356. Л. 1060—1060 об. (Миния четья на январь—апрель 1597/1598 г.); Ф. 351 (Собр. Кирилло-Белозерского монастыря). № 56/313. Л. 790—790 об. (Псалтирь 1598/1599 г.).

⁵⁵ Так, из 28 выходных записей известных нам датированных рукописных книг, переписанных в Кириллове в XVI в., лишь в 6 (21 %) упоминается правящий государь (4 из 6 упоминаний относятся как раз к 90-м годам XVI в.; сведения о них нами приведены выше). Судя по всему, такая частота упоминания правящего государя в выходных записях была нетипична для иных крупных скрипториев. Есть веские основания полагать, что в ряде других обителей в выходных записях процент упоминаний правящего государя был существенно выше: в Соловецком монастыре — 56 % (в 10 выходных записях из 18), в Троице — 86 % (в 12 (имя одного из государей не названо) из 14), в Иосифо-Волоколамском — 67 % (в 12 из 18). В отличие от кирилловских книг рукописи трех других обителей, в записях которых упоминается правящий государь, более равномерно распределяются по XVI в. Очевидно, что речь идет только о дошедших до нас рукописях. О степени репрезентативности сохранившегося материала можно спорить (впрочем, надо отметить, что данные мы приводим по обителям, рукописные собрания которых относительно неплохо сохранились).

Как видим, процесс вхождения в обиход писцов рукописных книг нового титула затянулся примерно на 50-летний период (1547–1597 г.)⁵⁶. Число выявленных нами случаев использования устаревшего титула относительно невелико: без царского титула государя именуют 12 записей из 166 известных нам датированных выходных записей 1547–1597/1598 г., которые упоминают русского государя (то есть речь идет о 7,2 % от общего числа записей известных нам книг). При этом привлеченный нами материал позволяет зафиксировать тенденцию к уменьшению числа «нарушений» при воспроизведении титула: если в 1547–1549/1550 г. их 2⁵⁷, в 1550-е — 3, в 1560-е — 4, то в 1569/1570 г. — 1, в 1580-е — 1, в 1590-е — 1. Важно отметить, что происхождение большей части рукописей, написанных в разных регионах, не было связано с крупными книгописными центрами. Исключением здесь является кирилловский Трефолой 1597 г., а также список Паренесиса Ефрема Сирина 1569/1570 г., скопированный в одной из обителей. Случаи пропуска царского титула в весьма многочисленных рукописных книгах, переписанных в других крупнейших скрипториях — Троице-Сергиевом, Иосифо-Волоколамском, Соловецком, Чудовом и других монастырях, нами не выявлены. По-видимому, наиболее частыми были случаи пропуска царского титула в рукописях, переписанных по поручению лиц, которых в большинстве своем едва ли можно отнести к представителям церковной или политической элиты⁵⁸.

Как нетрудно заметить, для отмеченных выше случаев «нарушений» при воспроизведении титула русских государей в целом характерны те же черты, что и для книг XVI в., в записях которых фигурирует уже утраченный русскими митрополитами титул. Это, в свою очередь, дает определенные основания полагать, что речь может идти о сходных процессах. Если это наше предположение справедливо и в первой половине XVI в. русских митрополитов «по инерции» порой именуют «киевскими», то тогда следует ожидать того, что подобные отклонения от «правильного» титула должны фиксироваться и ранее — во второй половине XV в.

По крайней мере, один такой случай нам известен. В выходной записи рукописи, переписанной в Чудовом монастыре, — в Богородичнике 1489 г. — среди прочего сообщается о кончине «архиепископа Геронтия **киевского и всеа Росиа**»⁵⁹. Очевидно, что упоминание «киевский» не соответствует официальному титулу русского митрополита в 80-е годы XV в. Указав на это, Б. М. Клосс использование «устаревшего» титула в этой рукописи связал с ее кремлевским происхождением. По его мнению, «вся указанная терминология сформировалась в кремлевском скриптории» [Клосс, 2012, с. 38]⁶⁰. С исследователем можно согласиться лишь отчасти: несомненно, эпитет «киевский» входил в состав титула митрополитов, проживавших в Москве. Однако это характерно для времени не позднее рубежа 50–60-х годов XV в. Как было показано выше, к этому времени относятся последние упоминания титула «киевский и всея Руси» по отношению к находящемуся в Москве митрополиту в официальных документах, исходящих от митрополичьей кафедры.

Судя по всему, книжники последней четверти XV в., как и писцы XVI в., использовали устаревший титул «по инерции»⁶¹. В пользу данной гипотезы говорит то, что, как уже отмечалось

⁵⁶ При этом нельзя полностью исключать и каких-то отдельных соответствующих упоминаний и некоторое время спустя.

⁵⁷ Материал записи тверского Пролога 1547 г., переписка которого была закончена через 2 дня после венчания Ивана IV на царство, здесь мы не учитываем.

⁵⁸ Определенными исключениями в этом ряду являются Псалтирь 1548/1549 г., переписанная по поручению князя Д. В. Ушатого, Трефолой 1597 г., скопированный по поручению кирилловского игумена Корнилия и старца этого монастыря Леонида, а также Паренесис Ефрема Сирина 1569/1570 г., происхождение которого, согласно Л. М. Костюхиной, могло быть связано с Высоцким монастырем.

⁵⁹ ГИМ. Собр. Чудова монастыря. № 71. Л. 345. Цит. по: [Протасьева, с. 50].

⁶⁰ По мнению Б. М. Клосса, применительно к концу XV в. под «кремлевским скрипторием» следует понимать Архангельский собор [Клосс, 2012, с. 44–45].

⁶¹ Нельзя не заметить, что в первой половине XVI в. случаев «нарушений» при воспроизведении титула митрополита нами зафиксировано существенно меньше (3), чем при написании титула государя (12). Это могло быть связано, во-первых, с тем, что государя несколько чаще упоминали в выходных записях, чем митрополита; во-вторых, с большим хронологическим отрывом первой половины XVI в. от времени утраты русскими митрополитами титула «киевский»: от примерно 40 (книги библейские 1503 г.) до 90 (Торжественник 1551/1552 г.) лет. В случае с царским титулом разрыв был существенно меньше — до 50 лет (с 1547 до 1597 г.). Вероятно, случаев «нарушений» в написании митрополичьего титула во вплотную примыкающие к 60-м годам XV в. десятилетия было несколько больше.

выше, во-первых, русские митрополиты после Ионы не выдвигали претензий на южнорусские земли (во всяком случае, нам соответствующие факты неизвестны); во-вторых, в выходных записях других рукописей второй половины XV — XVI в. преобладает новый титул: «всая Руси» или «московский и всая Руси». Например, с титулом «всая Руси» митрополит Симон фигурирует в выходной записи Геннадиевской Библии 1499 г. (цит. по: [Горский, Невоструев, с. 1]). Руководителя работ над ней — второе лицо в церковной иерархии новгородского архиепископа Геннадия — трудно заподозрить в незнании полного титула всероссийского владыки или в стремлении как-то принизить статус митрополита Симона⁶².

* * *

Подводя итоги, зафиксируем следующее:

1. Употребление в выходных записях книг XVI в. уже вышедшего из официального обихода титула проживавшего в Москве митрополита может быть сопоставлено с упоминанием титула русского государя в этот же период. По-видимому, особенности бытования этих титулов определялись одними и теми же тенденциями.

2. Судя по всему, вхождение в широкий обиход титула являлось результатом длительного процесса, который затягивался на несколько десятилетий. В течение этого периода употреблялся как новый, так и старый титул. Постепенно первый вытеснял второй.

3. Исходя из имеющихся данных можно предполагать, что в большинстве случаев употребление «устаревшего» титула было характерно для записей книг, происхождение которых не было связано с представителями церковно-политической элиты.

4. Есть основания полагать, что длительное бытование старого титула имело место преимущественно на окраинах Русского государства⁶³. Вероятно, в центральной части страны (особенно в крупнейших книгописных центрах) процесс усвоения нового титула шел несколько быстрее⁶⁴.

Сказанное выше дает основания полагать, что адаптация какой-то части населения к новым церковным и политическим реалиям происходила со значительной задержкой. Для этой части населения даже через несколько десятилетий после раздела единой митрополии проживающий в Москве владыка продолжал оставаться митрополитом «киевским и всая Руси», а русский государь и спустя многие годы после венчания на царство оставался «великим князем»⁶⁵. Вряд ли здесь стоит искать следы каких-либо «оппозиционных настроений» по отношению к московским властям. По всей видимости, речь шла о присущей эпохе Средневековья приверженности привычке и традиции. Судя по приведенному выше материалу, их трансформация требовала смены двух-трех поколений.

⁶² С титулом «всая Руси» русский митрополит фиксируется и в других рукописях второй половины XV в., например в Апостоле 1465 г. и Кормчей 1499 г. (см.: ГИМ. Собр. Чудова монастыря. № 44. Л. 188 об.; № 167. Л. 458). Цит. по: [Протасьева, с. 29, 87].

⁶³ Соответствующие рукописи переписывались в Езжинской волости Ржевского уезда, в Каргополе, а также на территории Новгородской и Ростовской епархий.

⁶⁴ Это может быть сопоставлено и с уже отмеченным выше фактом наибольшей частоты упоминаний правящего государя в записях книг, переписанных в подмосковных обителях (в Иосифо-Волоколамском и Троице-Сергиевом монастырях).

⁶⁵ Читатель вправе задать вопрос: о насколько значительной части населения может идти речь? На основе имеющихся в нашем распоряжении источников ответить на него не представляется возможным. Можно зафиксировать лишь два момента. С одной стороны, число выявленных нами случаев использования устаревшего титула относительно невелико: 3 случая для митрополичьего (3,8% от общего числа, о возможных причинах столь незначительного количества см. примеч. 61) и 12 для царского (7,2%). С другой — необходимо учитывать, что подавляющее большинство этих случаев приходится на записи книг, происхождение и бытование которых, по-видимому, не были связаны с крупными книгописными центрами. Общеизвестно, что в отличие от книг из библиотек крупных монастырей и соборов таких рукописей сохранилось сравнительно немного. Соотношение книг, переписанных в XVI в., вероятно, было несколько иным.

Литература

- Абеленцева О. А. Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. М.; СПб., 2009.
- Антонов В. А. Киев как metropolis civitas Русской земли // ARS HISTORICA: сборник в честь Олега Федоровича Кудрявцева. М.; СПб., 2015. С. 19–44.
- Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого и до конца XVII в. Пг., 1916.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
- Водов В. Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV в. // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 506–542. [Водов, 2002a]
- Водов В. Титул «царь» в Северо-Восточной Руси в 1440–1460 гг. и древнерусская литературная традиция // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. С. 543–553. [Водов, 2002b]
- Георгиевский В. Краткое описание церковно-исторического древлехранилища при Братстве святого благоверного великого князя Александра Невского во Владимире. Вязники, 1895.
- Горский А. А. Об эволюции титулатуры верховного правителя в Древней Руси (Домонгольский период) // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995. С. 97–102.
- Горский А. А. Представление о «царе» и «царстве» в средневековой Руси (до середины XVI века) // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С. 17–37.
- Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855. Отд. I: Священное писание.
- Дьяконов М. А. Власть московских государей: очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889.
- Ерусалимский К. Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI века. М., 2005.
- Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
- Зимин А. А. Опричнина. М., 2001.
- Каштанов С. М. К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV – начала XVI в. // ВИД. Л., 1979. Вып. 11. С. 238–251.
- Квливидзе Н. В. Лицевой летописный свод и Годуновская псалтирь 1591 г. Отражение иконографии миниатюр в монументальной живописи и иконописи конца XVI в. // Древнерусское искусство. Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь. СПб., 2004. С. 417–430.
- Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980.
- Клосс Б. М. О происхождении названия «Россия». М., 2012.
- Копанев А. И. Дипломатика поземельных актов двинских крестьян XVI в. // ВИД. Л., 1974. Вып. 6. С. 142–161.
- Корогодина М. В. Куростровский дьяк Давыдец Михайлов: нотариус, книгописец, миниатюрист? // Грани русского Средневековья. Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексева. М., 2016. С. 164–171.
- Костюхина Л. М. Палеография русских рукописных книг XV–XVII вв. Русский полуустав. М., 1999.
- Кузьмин А. В., Синицына Н. В. Герасим (Замыцкий) // ПЭ. М., 2006. Т. 11. С. 157–158.
- Курбский А. М. История о делах великого князя московского / Подгот. К. Ю. Ерусалимский. М., 2015.
- Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском (историко-текстологическое исследование). М., 1974.
- Кучкин В. А. Сергей Радонежский и «филофеевский крест» // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 16–22.
- Назаренко А. В. «Новороссия», «Великороссия» и «вся Русь» в XII в.: церковные истоки этнополитической терминологии // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 246–268.
- Назаров В. Д. «Князь великий Василий Иванович вся Руси» – соправитель Ивана III // Реализм исторического мышления: проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 27 января – 1 февраля 1991 г. М., 1991. С. 181–185.
- Новикова О. Л., Сиренов А. В. Сделано в Чудове // ТОДРА. СПб., 2004. Т. 55. С. 441–450.
- Плигузов А. И. О титуле «митрополит Киевский и вся Руси» // Русский феодальный архив. М., 1992. Вып. 5. С. 1034–1042.
- Покровский И. М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы (Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования). Казань, 1897. Т. 1: XVI–XVII вв.
- Протасьева Т. Н. Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980.
- Рыков Ю. Д. Новые данные о деятельности книгописца Сидора под Вязьмой в первой трети XVI века // Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1977. Вып. 38. С. 139–149.

- Рыков Ю. Д. Еще раз к вопросу о городском статусе Александровской слободы в эпоху царя Ивана Грозного // Государство и общество в России XV – начала XX века: сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 122–158.
- Савва В. И. Московские цари и византийские василевсы: к вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901.
- Сергеев А. В. Княжеская аристократия Московского государства во второй половине XVI – начале XVII века: князья ростовские и ярославские. АКД. СПб., 2014. [Сергеев, 2014а]
- Сергеев А. В. Князья Ярославские во второй трети XVI в.: историко-генеалогическое исследование // ВИД. СПб., 2014. Вып. 34. С. 9–61. [Сергеев, 2014б]
- Синицына Н. В. Русская церковь в период автокефалии: учреждение патриаршества // ПЭ. М., 2000. Русская православная церковь. С. 61–80.
- Смирнова Э. С. Записи на иконах Заонежья как источник для истории северной живописи // АЕ за 1966 г. М., 1968. С. 41–52.
- Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002.
- Страхова О. Б. Официальная титулатура русских патриархов в изданиях Московского Печатного двора (1589–1700 гг.) // Palaeoslavica. 2007. Т. XV/2. P. 117–206.
- Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877.
- Усачев А. С. О книгах князей Воротынских в XVI в. // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 17–28. [Усачев, 2012а]
- Усачев А. С. Митрополит Афанасий и памятники русского летописания середины – третьей четверти XVI в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 253–274. [Усачев, 2012б]
- Усачев А. С. Еще раз о книгах князей Воротынских в XVI в. // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости»: друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина: сб. ст. М., 2014. С. 331–340. [Усачев, 2014а]
- Усачев А. С. «Старость глубокая» в XIV–XVI вв.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 1 (55). С. 58–68. [Усачев, 2014б]
- Усачев А. С. Что может дать изучение текстологии выходных записей русских рукописных книг? // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития: мат. XXVII Междунар. науч. конф. Москва, 9–11 апр. 2015 г. М., 2015. С. 442–444. [Усачев, 2015а]
- Усачев А. С. Некоторые замечания об употреблении царского титула русских государей до 1547 г. (по материалам выходных записей на рукописных книгах) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 107–112. [Усачев, 2015б]
- Усачев А. С. Об одном нетипичном случае переписки книг в России XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: мат. XXVIII Междунар. науч. конф. Москва, 14–16 апр. 2016 г. М., 2016. С. 497–499.
- Усачев А. С. О происхождении Годуновских псалтирей и текстологии выходных записей рукописных книг XVI в. // ИЭ. Вып. 16 (134) (в печати).
- Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.
- Филюшкин А. И. Модель «царства» в русской средневековой книжности XV–XVI вв. // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 262–279.
- Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006.
- Флоря Б. Н. Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007.
- Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003.
- Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972.
- Щапов Я. Н. Достоинство и титул царя на Руси до XVI века // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С. 7–16.
- Pelenski J. The Contest for the Legacy of Kievan Rus'. N.Y., 1998.
- Pliguzov A. On the Title "Metropolitan of Kiev and All Rus'" // Harvard Ukrainian Studies. 1991. Vol. XV. № 3–4. P. 340–353.